

УДК 811.512.145. 811.161.1

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА "ЖЕНЩИНА" В КРЫМСКОТАТАРСКОМ, РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Гафарова Р. И.

Каждый человек принадлежит к определенной национальной культуре, включающей национальные традиции, язык, историю, литературу.

Изучение взаимоотношения языка и культуры занимает одно из центральных мест в проблематике исследований, ведущихся в русле лингвокультурологии и когнитивистики. Поиск новых путей исследования привел к осознанию необходимости лингвистического анализа национальной ментальности, когда в процессе контрастивного сопоставления выявляется концептуальное содержание языковых единиц, отражающих специфический тип восприятия окружающей действительности и традиций национальной культуры. Понимание языка как "промежуточного мира" между субъектом познания и существующей реальностью представляет возможность рассматривать язык как уникальную коллекцию результатов конкретных познавательных актов, имевших место в исторической эмпирике того или иного этноса, посредством которого "рядовой, обычный человек, не творец культурных ценностей сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на нее" [7, 42].

В концепции язык и культура сходятся интересы всех наук о человеке, это та сквозная идея, которая разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка. Язык представляет собой главную форму выражения и существования национальной культуры.

Ценности культуры как предмет исследования в лингвистике концентрируются, локализуются, стыкуются, входят в целостность и получают осмысленные различия в области пересечения лингвокультурной преемственности и социального познания, которое осуществляется через призму национального "духа", ментальности, "окультуренного" мировидения и мировосприятия. Под лингвокультурной преемственностью в данном случае мы понимаем совокупность функционирующих в языке средств, способствующих формированию концептуального образа мира, посредством которых человек видит, оценивает и вырабатывает отношение к окружающей его действительности. «Овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, и сживается с концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры» [9,7].

Национально-культурная специфика концепта как единицы ментальности выявляется при сопоставительном изучении концептов в языковом сознании разных народов. Под концептом подразумевается совокупность всех значений и понятий, возникающих при произнесении и осмыслении данного слова в

сознании индивидуальной личности, а также систему представлений, образов и ассоциаций, рождающихся при сознательном или бессознательном механизме восприятия и ассоциирования. Основной функцией концепта является функция замещения не только основных значений слова, но и всех его возможных вариантов и оттенков употребления.[6, 3-9]. Выявление компонентов, составляющих ценностное ядро концепта, возможно при тщательном анализе оценочной семантики лексических единиц [2, 3, 7, 8], посредством которых тот или иной концепт репрезентируется в языке. Следствием аксиологической окраски культурных концептов является «семиотическая плотность» – представленность в плане выражения целым рядом языковых синонимов (слов и словосочетаний), тематических рядов и полей, пословиц, поговорок, фольклорных и литературных сюжетов и синонимизированных символов(произведений искусства, ритуалов, поведенческих стереотипов, предметов материальной культуры), что объясняется их значимостью в жизни человека. Являясь элементом социальной реальности, слово проявляет себя не только как носитель значения, но и как ментофакт национальной культуры. Соответственно применение аксиологического подхода к анализу языковых единиц дает возможность "проникновения" в закрытую для непосредственного наблюдения сферу ментальности, в систему ценностных установок народа или этноса, позволяет эксплицировать существующие в сознании ценностные доминанты, определить их набор и соотношенность с точки зрения универсальности и идиоэтничности. Таким образом, в концепте сконцентрирован многовековой опыт, культура и идеология каждого народа, которые синтезируются и фильтруются в тезаурусе языковой личности.

Специфика национально-культурной общности определяется целым рядом социальных отношений к миру: к Богу, к природе, к собственности и т.д.; На наш взгляд наиболее показательным признаком является отношение к женщине, поскольку в любую эпоху и в любом обществе отношение к женщине, отраженное в языке, характеризует уровень культуры нации в целом. Сам же концепт "женщина", равно как и концепт "мужчина", представляет собой проекцию стереотипных представлений о женщине и мужчине как носителях социально предписанных качеств и свойств, сформировавшихся на основании, семейных, общественных, этических, эстетических, половых и других функций. В этом отношении названные концепты способны выступать так же как общечеловеческие категории, поскольку они представлены практически во всех языках, и понятия культуры, поскольку, складываясь в недрах конкретной культуры, обладают национальной спецификой.

Поскольку в данной работе рассматривается отражение концепта «женщина» в русском и крымскотатарском языках, он неизбежно будет носить оценочный характер. «При восприятии объективного мира человек определяет для себя ценностные ориентиры. Все происходящее вокруг оценивается субъектом на основании принципа хорошо-плохо, добро-зло, красиво-безобразно, то есть объект действительности рассматривается с точки зрения его соответствия норме» [1, 7]. В определении оценки отдельных элементов концепта “женщина” в русском и крымскотатарском языках должны учитываться оценочные стереотипы, которые включают как собственные свойства концептов, образующих стандартные наборы признаков, так и стереотипные представления

о месте объекта в ценностной картине мира. Иными словами, опираются на объективные и субъективные факторы оценки. «В картине мира социума имеется некое постоянное усредненное представление о данном объекте с соответствующими количественными и / или качественными признаками» [4, 61]. Мы в данной работе концепт «женщина» в русском и крымскотатарском языках рассматриваем в совокупности своих моральных и поведенческих качеств, который реализуется в контексте и правовых, и моральных норм русского и крымскотатарского народов. Таким образом, в оценке концепта «женщина» в русском и крымскотатарском языках преобладают объективные компоненты в виде морально-бытовых норм этих народов.

Оценочная структура концепта «женщина» в рассматриваемых языках определяется целым рядом параметров, среди которых выделяются доминантные для поля "человек"—признаки—"внешний человек" и "внутренний человек". Первую группу составляют такие универсальные признаки, как внешность, манеры, поведение и др., а вторую - свойства личности, например, ум, душа и т.д. Далее можно выделять более частные признаки, если они играют какую-либо роль для носителей рассматриваемых культур и особым образом представлены в языке, вскрывая тем самым специфические характеристики конкретного языка.

Проведенный анализ показал, что доминантными областями при оценочной квалификации женской внешности в сопоставляемых языках выступают лицо, фигура, походка, одежда, эмоции. Значимым при оценке лица в русском, крымскотатарском языках является цвет волос, глаз и кожи. В русском языке выявлено достаточное количество лексем, называющих женщину по деталям лица, например, глаз: *синеглазка, черноглазка*; бровей: *чернобровка*; формы лица: *круглоличка*; цвета кожи и волос: *смуглянка, цыганка (перен.), белянка, чернушка, златовласка*. В крымскотатарских словах при оценке внешности акцентируются признаки цвета волос: *узунсачлы(длинноволосая), карасачлы(черноволосая), сачлы(густоволосая), къувурчыкъ сачлы(кучерявая), сия сачлы(очень черноволосая)*; бровей: *къаракъаш(чернобровая)*; глаз: *эля козьлю къаракозь(черноглазая), сим сия козьлю (темноглазая), сырлы козьлю (сурьмели); цвета кожи: бяз тенли(белокожая), цвет лица: альянакъ(краснощекая)*.

В крымскотатарском языке актуальными для оценки фигуры являются ее параметрические данные, например, рост. Он представлен следующими лексемами: *узунбаджъакъ(длинноногая), узун бойлю(высокая), дал-фидан бойлу(стройная, как тростинка)*; объем, пропорциональность, особенности телосложения: в крымскотатарском языковом сознании выделяется также аспект "женские формы", а именно "привлекательная округлость форм": *тольджа (полноватая)*. Оценочная квалификация походки и телодвижений, в частности, такие свойства, как скорость и равномерность перемещения тела в пространстве осмысляются в картине мира носителей русского языка, во-первых, через ряд позитивных качеств - активность, подвижность, легкость, соотносимых с молодостью, а также плавность, вальяжность, которые ассоциируются с представлениями о внутреннем достоинстве, знатном происхождении (*вострушка, резвуля, пава, лебедь, царица, дама*), в крымскотатарском языке (*байбике, бану, бике, шерфе, ханум (госпожа)*).

т.п. Очень часто в русском сознании положительная эстетическая оценка вступает в корреляцию с отрицательной моральной или интеллектуальной оценкой: *зелье, сирена, фуфюра, фифа, кукла*. В крымскотатарском языке мотивами положительной оценки выступают психологические основания, такие, как ум, духовная близость, "умение нравиться", например *акъыллы* (умная), *ийли*, *яхшы* (хорошая) (в последнем случае сема "красота" претерпевает определенную нейтрализацию). Например: *Шимди исе, машалла! Яравы эткен къыз олгъан, Йылдызлар арасында Парлакъ бир йылдыз олгъан. (Исмаил Зиядин. Той) (А теперь, молодец! Она уже повзрослела, стала мастерицей, Среди звезд стала самой сияющей звездой) (И.Зиядин. Свадьба)*. Оценка женской внешности также способна варьироваться внутри одной культуры, что находит отражение в значениях слов, принадлежащих к различным функциональным стилям. Так, для разговорного пласта русской лексики характерно ослабление признака красоты с интенсификацией психологических оценок или усиление эстетического признака в сочетании с отрицательной этической и интеллектуальной оценкой (*милашка, душка, очаровашка, красотка, краля*). Для традиционно-поэтической и книжной речи характерно усиление положительной эстетической оценки одновременно с положительной эмоциональной оценкой (*богиня, очаровательница, принцесса, чаровница, королева, царица*). Интегральный признак "привлечение внимания" в русском языке реализуется преимущественно в дифференциальных признаках "способ привлечения внимания" (манеры, одежда, поведение) и "внутренние качества субъекта действия" (легкомыслие, непостоянство): *кокетка, фифа, вертушка, вертихвостка*. В крымскотатарском языке такие единицы немногочисленны и они несут резко отрицательную характеристику, ср. *кахпе, зампара, вардель, фаише* (распутная женщина).

Семантическая структура оценочных субстантивов, характеризующих лицо женского пола по признаку "одежда", представлена рядами интегральных и дифференциальных признаков. Так, признак "одежда" реализуется в семах "состояние одежды" и "отношение к одежде". В сопоставляемых языках при отрицательной оценке состояния одежды доминирующим является признак "неопрятность" (рус.: *распустеха, шишига*; крымскотат., *елпас* (неопрятная), *тис* (грязнуля).

В русских словах данный признак, напротив, является одним из основных при характеристике одежды лица женского пола (*модница, форсунья, франтиха, топ-модель*). Интегральная сема "отношение к одежде" наиболее ярко проявляется в семантике русских существительных (*шмоточница, тряпичница, куколка, фифа*), тогда как в крымскотатарском языке рассматриваемый признак реализуется лишь в коннотации у лексем *модлы, фасонлы* (модная). Следует отметить, что данные лексемы являются заимствованными из другого языка, но с прибавлением крымскотатарских аффиксов.

В крымскотатарском языке в большей степени, нежели в русском, отмечается совмещение эстетической оценки с этической оценкой поведения, например: Так, если в русском языке значительное количество слов по сравнению с крымскотатарским языком, обозначает "некрасивость, отсутствие привлекательности", то в крымскотатарских текстах они почти не встречаются

и акцент, главным образом, делается на признаке "неброской красоты, неяркости", при этом положительная и отрицательная оценки резко антонимичны, что ведет к осуждению яркости во внешнем виде: например, *Бетинде сепкиллиси де бар.Лякин аялама кьою дегиль, сийрек-серпек. Сачлары да сарышын, менимкидай гурь дегиль. Мавы козьлери бетине бек яраша. Агъызы, дудаклары оймакъ киби. (А. Ильмий. Ачлыкъ хатирелери). (На лице и веснушки есть. Но не частые, редкие. И волосы рыжеватые, но не густые. Голубые глаза ей очень к лицу. Рот и губы напоминают наперсток. (А. Ильмий. Воспоминание о голодных временах)).*

Это позволяет сделать вывод о том, что в русском сознании красота определяется преимущественно предписанным набором атрибутов, которые составляют один из существующих типов красоты (славянский, русский, восточный), ср. также: *классическая красота, истинная красота, настоящая красота*. В крымскотатарском языковом сообществе при оценке женской красоты акцентируется естественная красота объекта, которая воспринимается как красота и гармония, созданная самой природой, ср. также с личными женскими именами *Гульнара* (букв. цветок граната), *Гульназ* (букв. нежный цветок), *Айдан* (букв. с луны) и т.д. Также в крымскотатарском языке встречаются имена, обозначающие другие жизненные ценности, ср. *Рефика* (букв. спутница, судьба), *Сеадет* (счастье), *Назлы* (нежность). Иными словами, для русских красота - это то, что предписано другими, тогда как для крымских татар красота - это то, что дано природой, а не заслуга самого человека. Может быть, этим объясняется отсутствие комплиментов крымскотатарским женщинам.

Данные, полученные при исследовании определений и сравнений в русском и крымскотатарском языках, позволяют сделать вывод, что описывая одни и те же качества женщины, их сопоставление с разными реалиями, имеющими прямое отношение к условиям жизни носителей данного языка, к их культуре, обычаям и традициям, о наличии в каждом языке определенной системы точек отсчета, через которые преломляется все дальнейшее формирование представлений у носителей соответствующих языков. Таким образом, язык несет на себе отпечаток духовной и материальной культуры народа. Семантическая интерпретация и системный анализ лексем их сопоставительная характеристика предоставляют данные для выявления и классификации ценностных ориентаций человека как носителя языка и культуры и в целом для изучения структуры личности в аксиологическом аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемова А.В. Эмотивно-оценочная объективация концепта женщина в семантике ФЕ (на материале английской и русской фразеологии). / Автореферат. – Пятигорск, 2000
2. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. - М., 2001.
3. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). - М., 1998.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М: Наука, 1985
5. Карасик В.В., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования / Методологические проблемы когнитивной лингвистики. - Воронеж, 2001. - С.75-80.

6. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка.// Известия АН СССР, Сер.лит.и яз., т.52. № 1,1993
7. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. - М., 2001.
8. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. - М., 1999.- С. 13 - 24.
9. Шмелев А.Д. Могут ли слова языка быть ключом к пониманию культуры / Вступит. статья кн. А.Вежицкой "Понимание культур через посредство ключевых слов". - М., 2001.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005